

УДК 323.1(510)''1957/1978''
DOI 10.17223/19988613/45/8

В.С. Новичков

СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КНР В ПЕРИОД ДЕСТРУКЦИИ (1957–1978 гг.)

Исследуется радикальное изменение курса национальной политики в КНР в 1957–1978 гг. После бурного национально-государственного строительства в 1949–1957 гг. широкомасштабные политические и экономические кризисные явления 1957–1978 гг. вызвали кардинальные деструктивные изменения в области национальной политики. Период 1957–1978 гг. часто рассматривается исследователями-синологами как Период деструкции национальной политики в КНР. Иррациональная политика властей, заключавшаяся в отходе от принципов Периода становления основ национальной политики (1949–1957 гг.), серьезно подорвала национально-государственное строительство. В период 1957–1978 гг. власти фактически руководствовались новыми радикальными представлениями о сущности национального вопроса. В итоге была практически разрушена создававшаяся с 1949 г. система национальной политики. Также был нанесен серьезный урон и без того исторически сложным отношениям власти, этнических китайцев с одной стороны и национальных меньшинств – с другой. Хаос в области национальной политики продолжался до 1978 г., когда руководство страны вновь вернулось к принципам Периода становления. Они и легли в основу современной национальной политики в КНР.

Ключевые слова: Период деструкции; Культурная революция; национальная политика; неханьские народы.

После образования КНР в 1949 г. решение национального вопроса рассматривалось руководством страны как одна из основных стратегических задач на ближайшие годы. Это было обусловлено необходимостью сохранения стабильности в межнациональных отношениях прежде всего на часто неспокойных национальных территориях, ведь в то время от сохранения территориальной целостности зависело выживание государства. В первую очередь, в фокусе внимания находилась ситуация на обширных национальных окраинах КНР. Кроме того, национальные территории, например Синьцзян, Тибет или Внутренняя Монголия, уже тогда стали приобретать если не статус перспективной ресурсной и промышленной базы, то уж точно стратегически важных пограничных регионов, составляющих значительную долю территории страны. Такая постановка вопроса заставила китайское руководство в то время по-новому подойти к национальному вопросу.

Так называемый Период становления (1949–1957 гг.) ознаменовался процессами начала формирования системы комплексной политики государства по отношению к национальным меньшинствам страны. Основой национальной политики стала так называемая районная национальная автономия, законодательным оформлением которой стал принятый в 1952 г. документ «Основные принципы осуществления районной национальной автономии в КНР». Претворение в жизнь заложенных в ней принципов предусматривало осуществление под единым руководством государства районной автономии в местах компактного проживания национальных меньшинств. Процессы автономизации предполагали создание на национальных территориях особых автономных субъектов различного уровня, от автономного села до автономного района, наделенных полномочиями «стандартных» субъектов, а также образование местных органов само-

управления из национальных кадров и т.д. [1. С. 23]. За национальными меньшинствами конституционно был закреплен статус отдельных «наций» вне зависимости от их численности или уровня социально-экономического развития [2].

К несомненным достижениям Периода становления с полным правом относится создание первой настоящей законодательной системы из закрепленных в Конституции 1954 г. положений и множества законов и подзаконных актов, т.е. юридическое оформление системы национальной политики, автономии и административно-территориального деления национальных территорий. Одновременно в Период становления руководством страны решались задачи прикладного характера. Среди прочих основной являлась задача создания необходимой инфраструктуры и производственных мощностей на национальных территориях, развития там местной промышленности и сельского хозяйства.

Во-первых, это позволило бы индустриализировать их и осуществить экономическую интеграцию с остальным Китаем, тем более экономическая ценность национальных территорий, а именно громадная ресурсная база, как уже было сказано, приобретала все большее значение для экономики страны.

Во-вторых, экономическое развитие национальных территорий являлось залогом улучшения социально-экономического положения национальных меньшинств на местах. Также неханьским народам законодательно декларировалась защита языков, традиционной культуры и религии с целью сохранения их самобытности и развития и т.д. [Там же].

Конечно, все это могло в перспективе положительно сказаться на решении национального вопроса в стране и улучшении межнациональных отношений. Таким образом, несмотря на имевшиеся проблемы, стало возможным постепенно и относительно безбо-

лезненно решать этот стратегически важный для Китая вопрос.

Однако в последующие 20 лет, с 1957 по 1978 г., долгосрочные масштабные изменения, обусловленные политическими, экономическими и социальными потрясениями, остановили развитие национальной политики в КНР. Фактически были разрушены уже сложившиеся ее элементы, а значит, повисло в воздухе мирное решение национального вопроса. Исследователями-синологами этот период обычно выделяется как «Период деструкции национальной политики в КНР», охватывающий в том числе период «Большого скачка» (1956–1958 гг.) и «Культурную революцию» (1966–1976 гг.). Применительно к сфере национальной политики в КНР отличительной чертой этого периода является то, что ультралевые группировки в КПК, придя к власти при поддержке руководства страны, фактически осуществляли совершенно противоположную иррациональную политику. Их политика была неожиданно направлена на ликвидацию автономии и государственных гарантий защиты и развития национальной самобытности неханьских народов страны, которые широко декларировались в предыдущие годы [3. С. 179].

Для национальной политики этот период проходил в духе ряда «теорий», ставших своеобразной идеологической платформой для осуществления метаморфоз того времени. Все эти «теории» объединяет их цель – скорейшая ассимиляция неханьских народов КНР, полное подчинение национальных районов центральной власти и, таким образом, скорое, но радикальное решение национального вопроса. Абсурдность, а самое главное, методичное следование подобным теориям на практике к концу 1970-х гг. существенно осложнило межнациональные отношения в Китае, лишь прибавило межнациональных противоречий и добавило тем самым еще больше предпосылок для конфликтов на этнической основе в будущем. Апофеозом всего этого стало принятие в 1975 г. новой Конституции КНР. Из нее уже были исключены многие положения, касающиеся статуса неханьских национальностей, их прав и свобод, равно как и статьи о недопустимости дискриминации в отношении неханьских народов в КНР, и т.д. [4]. Кроме того, была распущена Комиссия ВСНП по делам национальностей – орган, созданный в свое время специально для государственного надзора за надлежащим осуществлением национальной политики, принципов районной национальной автономии и т.д.

Во-первых, это «Теория слияния национальностей». Считалось, что под влиянием массовых социалистических изменений в жизни народов КНР в стране сложились благоприятные условия для постепенного стирания национальных различий. И на этой почве возможно построение нового классово однородного общества. Причем официально это не рассматривалось как ассимиляция или «китаизация», а лишь как еще один шаг к коммунизму для всех народов КНР «на взаимно равноправной основе» [5. С. 88]. И, конечно, таким образом

решался и пресловутый национальный вопрос. Хотя на практике все было наоборот. Создание подобного суперэтнуса предполагало подведение всех народов страны под единые политические; социально-экономические; культурные стандарты. Это означало фактическое упразднение любых особенностей, способных идентифицировать тот или иной народ. Словом, этническое самосознание народов КНР должно уступить свое место новым ценностям «единой нации». Тем не менее реальность показала, что это не ликвидирует национальный вопрос, а лишь его осложняет, так как неханьские народы были решительно против таких установок, что навлекло на них гонения в годы Культурной революции и лишь стимулировало исторически сложившиеся противоречия с ханьцами.

Во-вторых, это «Теория классовой борьбы в национальном вопросе». Согласно данной теории, национальный вопрос, в сущности, имеет место лишь в обществе с классовыми различиями, проявляясь в дискриминации по национальному признаку и прочих противоречиях, обусловленных национальными различиями [Там же. С. 164]. Естественно, на этом фоне присутствует и непрерывающаяся классовая борьба. Кроме того, имущие и другие непролетарские классы неханьских народов, да и самих этнических китайцев тоже, рассматривались, с точки зрения данной теории, как еще один источник межнациональных противоречий. Поэтому в годы Культурной революции имущие классы, интеллигенция не только китайцев, но и в особенности активно готовившиеся властями национальные кадры неханьских народов, были подвергнуты репрессиям. Надо сказать, что уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. национальный вопрос стал терять свое первоначальное значение, став в новых меняющихся условиях анахронизмом. А с близким приближением китайского общества к коммунизму, которое широко декларировалось в то время, положительное решение национального вопроса вообще потеряло актуальность как необходимое условие выживания такого многонационального государства, как Китай. В это время национальный вопрос обрел как раз больше классовых черт, согласно данной теории, и потерял свой стратегический статус, равно как и внимание руководства страны, имевшиеся в предыдущие годы, вплоть до того, что период Культурной революции в КНР официально полностью отрицалось существование отдельных наций [6. С. 52].

В-третьих, это «Теория “четырёх старых”». В рамках этой теории так называемые «старые идеи, старая культура, старые обычаи и привычки» объявлялись препятствующими «пролетарскому» развитию и межнациональному миру пережитками «непролетарского» прошлого. Естественно, указанные элементы традиционного уклада жизни и мировоззрения неханьских народов, и часто самих китайцев, подлежали искоренению. В целом это касалось всей страны, но наиболее тяжело пострадали национальные районы – этническая

специфика неханьских народов оказалась на грани уничтожения, главным образом их культура, языки и письменность. Более того, традиционные формы социально-экономических и политических отношений в национальных районах, как и элементы национальной идентичности (культура и язык), являлись мощной идеологической преградой для процессов ассимиляции и китаизации. Для пришедших к власти радикалов они отождествлялись с сепаратистскими, антикитайскими и империалистическими элементами. Поэтому их уничтожение или подчинение, китаизация виделись ими как необходимое условие для достижения полного контроля над неханьскими народами. Например, в ходе претворения в жизнь данной теории кадровые работники, ханьцы по национальности, местами запрещали неханьскому населению пользоваться местными языками и письменностью [5. С. 167].

Последние вообще должны были, по мысли «теоретиков» нового подхода к национальным меньшинствам, постепенно перейти на китайскую грамматическую, лексическую и смысловую основы, тем самым утратив свою неповторимость, и фактически со временем исчезнуть. То же самое касалось и других элементов национальных культур, которые в перспективе должны были быть заменены на элементы китайской культуры. Это также противоречило проводившейся ранее в 1949–1957 гг. политике охраны государством и свободного развития культуры, языка неханьских народов. Несомненно, такая явная борьба против элементов национальной идентичности лишь добавляла причин для роста межэтнических противоречий и недовольства неханьских народов и отнюдь не решала национальный вопрос.

Хотя религия неханьских народов, как и религия в Китае вообще, и не входила в число «Четырех старых», с ней, как с одной из основных угроз «пролетарскому сознанию», в Период деструкции велась бескомпромиссная борьба. Однако, несмотря на масштабные антирелигиозные кампании, уничтожение культовых учреждений и религиозной литературы, официально не было издано ни одного заявления властей, подтверждающего или ликвидирующего конституционную сохранность свободы религии, хотя власть и поощряла подобные действия [7. С. 10]. Антирелигиозные кампании проводились исключительно руками ультраевых радикалов – хунвейбинов и цзаофаней, и это объяснялось впоследствии как самоуправство последних и «перегибы на местах». В годы Культурной революции прекратила работу выстроенная в предыдущие годы система взаимодействия власти и верующих, религии вообще, был ликвидирован Комитет по делам религии. Особого накала антирелигиозная борьба достигала как раз в национальных районах. Например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) главным объектом атак хунвейбинов и цзаофаней стал ислам – основная религия большинства населяющих данную территорию неханьцев. Также борьба шла против местных

обычаев и нравов, местного культурного достояния, в силу местной культурно-религиозной специфики тесно связанных с религией, что вполне соотносилось с упомянутыми выше теориями. Соответственно, было закрыто большинство мечетей и медресе, Китайский институт исламского богословия, а духовенство подвергнуто репрессиям. Вообще, согласно статистике, к концу периода Культурной революции в городе Кашгар (СУАР) лишь 2 из 90 мечетей могли продолжать функционирование, а в целом в Кашгарском округе – лишь 600 из 5 000 [Там же. С. 132]. В Нинся-Хуэйском автономном районе (НХАР), где среди местного населения (в основном хуэй) также преобладает ислам, борьба с религией рассматривалась еще и как главное средство решения национального вопроса на местном уровне. Ведь по мысли идеологов и практиков Культурной революции, ислам являлся единственной чертой хуэй, говорящих на китайском языке и в значительной мере китаизировавшихся, отличавшей данный народ от самих ханьцев [Там же. С. 133].

Таким образом, ликвидация ислама на отдельно взятой территории – НХАР, была, по сути, еще одной конкретной политической задачей, стоящей перед ханьской администрацией региона и руководством страны, а не просто местным проявлением борьбы с религией на государственном уровне в целом. Вмешательство в такую сакральную для мусульманского населения этих регионов сферу, как религия, лишь существенно осложнило межнациональные отношения – подобные действия закономерно рассматривались неханьскими мусульманскими народами и СУАР и НХАР как олицетворение агрессии «неверных». Недовольство мусульман выливалось в вооруженные столкновения с ханьцами, имевшие место в СУАР и НХАР в период Культурной революции. В Тибетском автономном районе (ТАР) и Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ), где преобладающей религией является буддизм, также были развернуты активные действия по искоренению религии. В Тибете из более чем 6 000 имевшихся монастырей и других культовых сооружений к 1979 г. оставалось не более 5, а духовенство и верующие подвергались гонениям [8. С. 41]. Во Внутренней Монголии антирелигиозная борьба проходила аналогично, причем масштабы борьбы против религии оказались таковыми, что из 700 буддийских монастырей, имевшихся в регионе в 1964 г., к концу Культурной революции осталось только 27, в которых, тем не менее, было запрещено отправление религиозных обрядов [9. С. 412]. Как и в случае СУАР и НХАР, наступление на религию и тесно связанные с ней уклад жизни и мировоззрение подвигали неханьское население Тибета и Внутренней Монголии на сопротивление китайским властям, нередко выливавшееся в кровопролитные столкновения. Вообще, Период деструкции национальной политики в КНР, особенно годы Культурной революции, обернулся для населения национальных территорий серьезными человеческими жерт-

вами в результате репрессий по политическим, классовым и иным мотивам, антикитайских восстаний, голода и т.д. Например, в период 1967–1969 гг. только во Внутренней Монголии число жертв составило более 16 тыс. чел., раненых – около 87 тыс. чел., а всего пострадавших – около 342 тыс. чел. [10. С. 143]. При этом значительное количество людей пострадали конкретно по делу о принадлежности к так называемой Народно-революционной Партии Внутренней Монголии, которая выступала за самоопределение региона и интересы монголов и поэтому давно преследовалась властями, хотя в 1960-х гг. уже не действовала. Из этих пострадавших большинство являлись этническими монголами. Достаточно крупным также стало восстание в Тибете в 1959–1962 гг., имевшее своей целью борьбу за восстановление независимости Тибета, противостояние уничтожению китайцами традиционной религии тибетцев. В итоге, по разным данным, погибли от 87 до 93 тыс. чел., 25 тыс. были арестованы, а значительное число тибетцев вынуждены были бежать за границу [11. С. 246]. В Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР) в 1967–1968 гг. дошло до прямых столкновений формирований, вышедших из-под контроля властей хунвейбинов и цзаофаней с армией. Например, город Учжоу ГЧАР даже обстреливали из артиллерии и бомбили напалмом. На фоне противостояния радикалов с армией в ГЧАР также имели место волнения среди неханьского населения региона, подавлявшиеся одновременно и радикалами, и армией, в ходе чего, по разным данным, около 100 тыс. чел. погибли и пострадали [12. С. 499].

В этот период усиленно проводится еще большее административное перекраивание национальных районов. В частности, создавались новые национальные субъекты различного уровня. Например, в 1957–1958 гг. в ряде провинций (Сычуань; Цилинь; Юннань; Гуандун; и т.д.) были сформированы автономные уезды и округа в местах компактного проживания неханьских народов. Создаются и более крупные национальные административно-территориальные единицы – Нинся-Хуэйский (1958) и Тибетский (1965) автономные районы. Процессы дробления и перекраивания национальных территорий вместе с интенсивной миграцией туда ханьцев, кроме решения административных или экономических задач, преследовали и другие цели. Например, предотвращать межэтническую напряженность; заселять данные территории этническими китайцами и исключить образование достаточно мощных неханьских анклавов, чтобы еще больше рассеять и без того разбросанное неханьское население, что могло бы способствовать постепенной их ассимиляции [13. С. 38].

В 1969 г. большая часть территории Внутренней Монголии была поделена между соседними китайскими провинциями и НХАР таким образом, что численность монголов в ней упала до 600 тыс. чел., а общая численность населения – с 13 до 9 млн чел. [9. С. 418].

Лишь в 1979 г. территория Внутренней Монголии была восстановлена в своих прежних границах. Понятно, что неханьское население значительно уменьшилось по отношению к возросшей доле ханьцев. Приток этнических китайцев, именно в период Культурной революции ставших основным населением в регионе, в свою очередь, продолжился. Этнические китайцы стали там доминирующей в социальном и этническом планах нацией, не говоря уже об их полной монополии в то время на административный и управленческий аппарат. Органы самоуправления в АРВМ были заменены революционными комитетами, где ведущие позиции опять же занимали этнические китайцы. А местная элита и национальные кадры, игравшие достаточно значительную роль в управлении АРВМ, к 1970-м гг. постепенно утратили свое политическое влияние. Фактически, в период Культурной революции в АРВМ создалась удобная обстановка для смещения местной элиты во главе с Уланьфу, влиятельным монгольским лидером, занимавшим пост руководителя региона в 1947–1967 гг. и проводившим весьма самостоятельную политику в интересах монгольского населения, что не устраивало Пекин. В результате после ухода Уланьфу с поста главы АРВМ практически весь местный административный аппарат оказался в руках ханьцев. Вообще такая ситуация стала типичной для всех национальных административно-территориальных единиц КНР в то время. Из Конституции 1975 г. также исчезли и положения, относящиеся к принципам функционирования органов самоуправления [4]. Фактическое упразднение автономии – полное подчинение национальных регионов центральной власти, стало еще одной характерной чертой того времени. До этого и так бывшая лишь в официальных документах достаточно «широкой», а, в сущности, номинальной, автономия на этот раз была окончательно взята под контроль центральными властями. Районы национальной автономии теперь напрямую подчинялись центральному правительству, теряя всякую автономию.

Социально-экономическое направление национальной политики, бывшее одним из приоритетных в Период становления, с началом Периода деструкции и до конца 1970-х гг. оставалось на периферии и поэтому также существенно пострадало. Причины во многом были в сложной общей политической и социально-экономической ситуации в стране. Ошибки «Большого скачка» (1956–1958 гг.) и II пятилетки (1958–1962 гг.), вроде навязывания увеличивавшихся и невыполнимых планов производства, приверженности абсурдным методам хозяйствования в промышленном и сельскохозяйственном секторах и т.д., сильно ударили не только по экономике государства, фактически провалив грандиозные планы руководства по наращиванию темпов промышленного и сельскохозяйственного производства.

Дело в том, что от экспериментов правящих радикалов от КПК больше всего пострадала деревня. В рассматриваемый период неханьские народы КНР суще-

ствовали преимущественно в традиционных аграрных рамках. Насильно вводимые меры, такие как коммунизация; уничтожение традиционных форм хозяйствования и торговли неханьских народов и внедрение взамен них оказавшихся впоследствии ошибочными методов, переброска трудовых ресурсов деревни из сельского хозяйства в другие отрасли и т.д. самым негативным образом отразились на национальных районах, живших натуральным хозяйством [13. С. 29].

Провал проводившихся экономических программ, который привел к катастрофическим последствиям для всей страны, в первую очередь к масштабному голоду, нанес значительный урон неханьским народам. И без того сравнительно низкий уровень жизни неханьских народов в национальных районах существенно упал [14. С. 35].

Таким образом, в Период деструкции национальные районы продолжали даже в этих непростых социально-экономических условиях отставать от остального Китая. Вообще, до конца 1970-х гг. о принципах социально-экономического развития неханьских народов, как об одном из основных составляющих национальной политики времен Периода становления, фактически забыли. Ведь тогда бывшая важность национального вопроса не имела никакого значения. Это связано с тем, что в новых условиях он обрел классовые черты, и ни о каком социально-экономическом отставании неханьских народов, как об одной из основных проблем национальной политики, нигде не говорилось. Ведь классовое деление общества в то время официально отсутствовало, как и национальный вопрос. Подобное заблуждение навредило социально-экономическому положению национальных районов настолько же сильно, насколько и межнациональным отношениям.

В целом период 1957–1978 гг. оправдывает свое устоявшееся название Периода деструкции. Произошла грандиозная ломка еще не до конца сложившейся системы национальной политики вместе с радикальным наступлением на неханьские народы, их традиционную культуру, язык, религии и т.д., чего в Период становления национальной политики старались по возможности избежать. Пришедшие к власти во время Культурной революции ультралевые политики сделали попытку решить национальный вопрос быстрыми, но радикальными, а потому неправильными методами, совершенно не принимая во внимание специфику национального вопроса в Китае вообще и руководствуясь лишь классовым взглядом на данную проблему.

Однако после 1978 г., а именно после знакового в этом отношении 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва, ситуация стала кардинально меняться. Комплекс будущих необходимых изменений во всех сферах жизни страны, которые были намечены на этом съезде, включил в себя и очередное изменение позиции ру-

ководства страны по национальному вопросу. Теперь национальный вопрос, так же как в 1949–1957 гг., был поставлен в один ряд с вопросами выживания государства, была выявлена прямая связь между ростом межнациональной напряженности и катастрофическими ошибками времен «Большого скачка» и Культурной революции [15. С. 22].

Самое главное заключалось в том, что пришедшие на смену радикалам в 1978 г. более прагматичные политики-реформаторы, дабы взять под контроль сложившуюся ситуацию и исправить фатальные ошибки предшественников, вновь обратились к принципам национальной политики времен Периода становления. Необходимо было как можно скорее избавиться от негативного наследия национальной политики 1957–1978 гг., нивелировать ущерб, нанесенный межнациональным отношениям, снизить накал антиханьских настроений, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения обстановки в национальных районах.

Таким образом, был взят курс на отказ от ошибочных подходов к национальному вопросу Периода деструкции, причем со временем даже стали критиковаться отдельные аспекты политики по отношению к национальным меньшинствам страны того времени, как, например, классовый взгляд на проблему, борьба с «Четырьмя старыми» и т.д. Неханьские народы Китая вновь стали считаться «отдельными нациями», что было законодательно закреплено в соответствующей статье новой Конституции 1982 г. (ст. 4), как и то, что государство дает им определенные права и привилегии, обеспечивает их защиту и развитие и т.д. [16].

С конца 1970-х гг. районная национальная автономия снова стала играть роль ядра, вокруг которого обращается и сейчас национальная политика в КНР. Районная национальная автономия рассматривалась теперь как «основная политика КПК в решении национального вопроса» и «важный компонент политической системы государства» [15. С. 26].

Практически, можно говорить о том, что были возрождены государственные установки в национальной политике и законодательстве Периода становления. С 1978 по 1982 г. этот поворот состоял как раз в отходе от понимания национального вопроса времен Культурной революции, в основе которого лежат классовый принцип и иные оказавшиеся ошибочными идеи. Так или иначе с начала 1980-х гг. началось формирование современной национальной политики в КНР. Именно в это время вновь запускается практическое функционирование широкого спектра мер по поддержанию межнациональных отношений, однако во главу угла теперь встало социально-экономическое развитие национальных территорий как основное условие для победы над этническим национализмом и сепаратизмом, а также для нивелирования жесточайшей региональной дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева Т.В. Зигзаги национальной политики Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 3. С. 18–25.
2. Чжунхуа жэньмин гунхэго сизньфа, 1954 (Конституция Китайской Народной Республики 1954 г.). URL: <http://e-chauapak.net/database/chicon/1954/1954bilingual.htm>, свободный (дата обращения: 10.03.2016).
3. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы : Дайк-Пресс, 2003. 80 с.
4. Чжунхуа жэньмин гунхэго сизньфа, 1975 (Конституция Китайской Народной Республики 1975 г.). URL: <http://www.e-chauapak.net/database/chicon/1975/1975e.htm>, свободный (дата обращения: 10.03.2016).
5. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М. : Москва, 2004. 215 с.
6. Чжан Тяньлю. Миньцзу жэнькоусюэ (Демография национальностей). Бэйцзин, Чжунго жэнькоу чубаньше, 1998. 360 с.
7. Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002. 297 с.
8. Буйаров Д.В. Национальная политика Китая в конце 1950-х – конце 1970-х гг. Краснодар : Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. Т. 8, № 1, ч. 1. С. 39–43.
9. Sneath D. The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // *Modern Asian Studies*. 1994. Vol. 28, № 2. P. 409–430.
10. Мажинский С.В. Центральное правительство Китая и Автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 401. С. 139–144.
11. Куртун С.Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб. : Издание А. Терентьева, 2010. 54 с.
12. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / пер. с франц. М. : Три века истории, 2001. 864 с.
13. Lipman J. White Hats, Oil Cakes, and Common Blood // *Governing China's Multiethnic Frontiers* / ed. by M. Rossaby. Seattle (USA) : University of Washington Press, 2004. P. 19–52.
14. Лун Юаньвэй. Шаошу миньцзу цзинци яньцзу дэ хуэйгу юй чжаньван (Исследования в области экономики национальных меньшинств: ретроспективный взгляд и перспективы) // *Миньцзу яньцзу*. 1998. № 9. С. 33–42.
15. Ван Тэцжи. Синь чжунго миньцзу чжэньцэ фачжань дэ лиши гуйцзи хэ шидай тэдан (Исторические пути и временные особенности развития национальной политики Нового Китая) // *Миньцзу яньцзу*. 1999. № 5. С. 19–27.
16. Конституция КНР 1982 г. с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг. Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution, свободный (дата обращения: 28.02.2016).

Novichkov Basyll S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

THE NATURE OF ETHNIC POLICY IN THE PRC DURING THE PERIOD OF DESTRUCTION (1957–1978).

Keywords: the Period of destruction; the Cultural Revolution; ethnic policy; the non-Han people.

This article observes the essence of ethnic policy in the PRC in 1957–1978. As this period is considered to be an integral part of evolution process in ethnic policy, it is important for understanding certain peculiarities of ethnic policy in the PRC. The period of 1957–1978 is often defined by sinologists as the Period of destruction. It is the time of fundamental changes in the ethnic policy line, which caused a wide range of destructive processes. The new line of ethnic policy was in rejecting the basic principles, which had been determining the governmental course of policy towards ethnic minorities in China since 1949 – these principles include autonomy and socio-economic development of the ethnic territories and the non- the Han people there. It was the long-termed political, socio-economic and ideological crisis in China, including such notorious stages of Chinese history as the Great Leap Forward (1956–1958) and the Cultural Revolution (1966–1976) that became its background. The system of relations with the ethnic periphery, which had been developing in China since 1949, was greatly damaged by irrational policy of the authorities and the radicals from the CCP. In fact, autonomy of ethnic territories was cancelled, so that they were fully submitted to the central authorities. The past importance of both ethnic question and ethnic policy for the country was pulled down by the wrong “proletarian” ideas of what ethnic relations and ethnic policy in China should be. In this situation social stratification, class struggle, religion and traditional way of life of the non-Han people were proclaimed to be the main reasons of both ethnic contradictions and ethnic question. According to certain theories, which established the “proletarian” view on ethnic policy at that time, these elements of their life were persecuted by the authorities. For the non-Han people it definitely meant both slow assimilation and total extinction of their ethnic identity. Thus, an author concludes, this kind of policy couldn't make ethnic relations milder indeed. On the contrary, at that time as absurd social and economic experiments failed, this circumstance just stimulated historically tense relations between the non-Han people and the Chinese people, so that there accumulated anti-Han tensions and there appeared more reasons for periodical escalations of the situation in the Chinese borderlands in future. Thus, after the crisis period of 1957–1978 stopped, in order to prevent a further deterioration of the situation, which might cause obviously considerable consequences for China, the new generation of Chinese politicians returned to the basic principles of ethnic policy, laid down during the Period of establishment (1949–1957).

REFERENCES

1. Lazareva, T.V. (2010) Zigzagi natsional'noy politiki Kitaya [The zigzags of the Chinese national policy]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3. pp. 18–25.
2. China. (n.d.) *Chzhunkhua zhen'min gunkhego sien'fa, 1954* [Constitution of the People's Republic of China 1954]. [Online] Available from: <http://e-chauapak.net/database/chicon/1954/1954bilingual.htm>. (Accessed: 10th March 2016).
3. Syroezhkin, K.L. (2003) *Mify i real'nost' etnicheskogo separatzizma v Kitae i bezopasnost' Tsentral'noy Azii* [Myths and reality of ethnic separatism in China and security in Central Asia]. Almaty: Dayk-Press.
4. China. (n.d.) *Chzhunkhua zhen'min gunkhego sien'fa, 1975* [Constitution of the People's Republic of China 1975]. [Online] Available from: <http://www.e-chauapak.net/database/chicon/1975/1975e.htm>. (Accessed: 10th March 2016).
5. Moskalev, A.A. (2004) *Teoreticheskaya baza natsional'noy politiki KNR (1949–1999)* [The theoretical basis of China National Policy (1949–1999)]. Moscow: Moskva.
6. Zhang Tianlu. (1998) *Min'tszu zhen'kousyue* [Demographics of nationalities]. Beytszin: Chzhungo zhen'kou chuban'she, 1998. 360 s.
7. Kuznetsov, V.S. (2002) *Islam v obshchestvenno-politicheskoy zhizni KNR* [Islam in China's social and political life]. Moscow: The Institute of Far Eastern Studies (IFES).
8. Buyarov, D.V. (2016) China national policy in the late 1950's to the late 1970's. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Ideas*. 8(1). pp. 39–43. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-39-43
9. Sneath, D. (1994) The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia. *Modern Asian Studies*. 28(2). pp. 409–430. DOI: 10.1017/S0026749X00012464

10. Mazhinskiy, S.V. (2015) Chinese government and the Inner Mongolia Autonomous Region during 1966-1969: from dialogue to political struggle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 139–144. DOI: 10.17223/15617793/401/21
11. Kuzmin, S.L. (2010) *Skrytyy Tibet. Istoriya nezavisimosti i okkupatsii* [Hidden Tibet. The history of independence and occupation]. St. Petersburg: A.Terentiev.
12. Courtois, S., Werth, N., Panne, F.-L., Pachkovsky, A., Bartosek, K. & Margolin, J.-L. (2001) *Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, repressii* [The Black Book of Communism. Crimes, terror, repression]. Translated from French. Moscow: Tri veka istorii.
13. Lipman, J. (2004) White Hats, Oil Cakes, and Common Blood. In: Rossaby, M. (ed.) *Governing China's Multiethnic Frontiers*. Seattle: University of Washington Press. pp. 19–52.
14. Lun Yuanvey. (1998) Shaoshu min'tszu tszintszi yan'tszu de khueygu yuy chzhan'van [Research in Economics of National Minorities: a retrospective and prospects]. *Min'tszu yan'tszyu*. 9. pp. 33–42.
15. Van Techzhi. (1999) Sin' chzhungo min'tszu chzhentse fachzhan' de lishi guytshi khe shiday tedian [Historical paths and timing features of development of New China national policy]. *Min'tszu yan'tszyu*. 5. pp. 19–27.
16. China. (n.d.) *Konstitutsiya KNR 1982 g. s izmeneniyami 1988, 1993, 1999, 2004 gg. Zakonodatel'stvo Kitaya* [Chinese Constitution in 1982 as amended in 1988, 1993, 1999, 2004. Legislation of China]. [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. (Accessed: 28th February 2016).